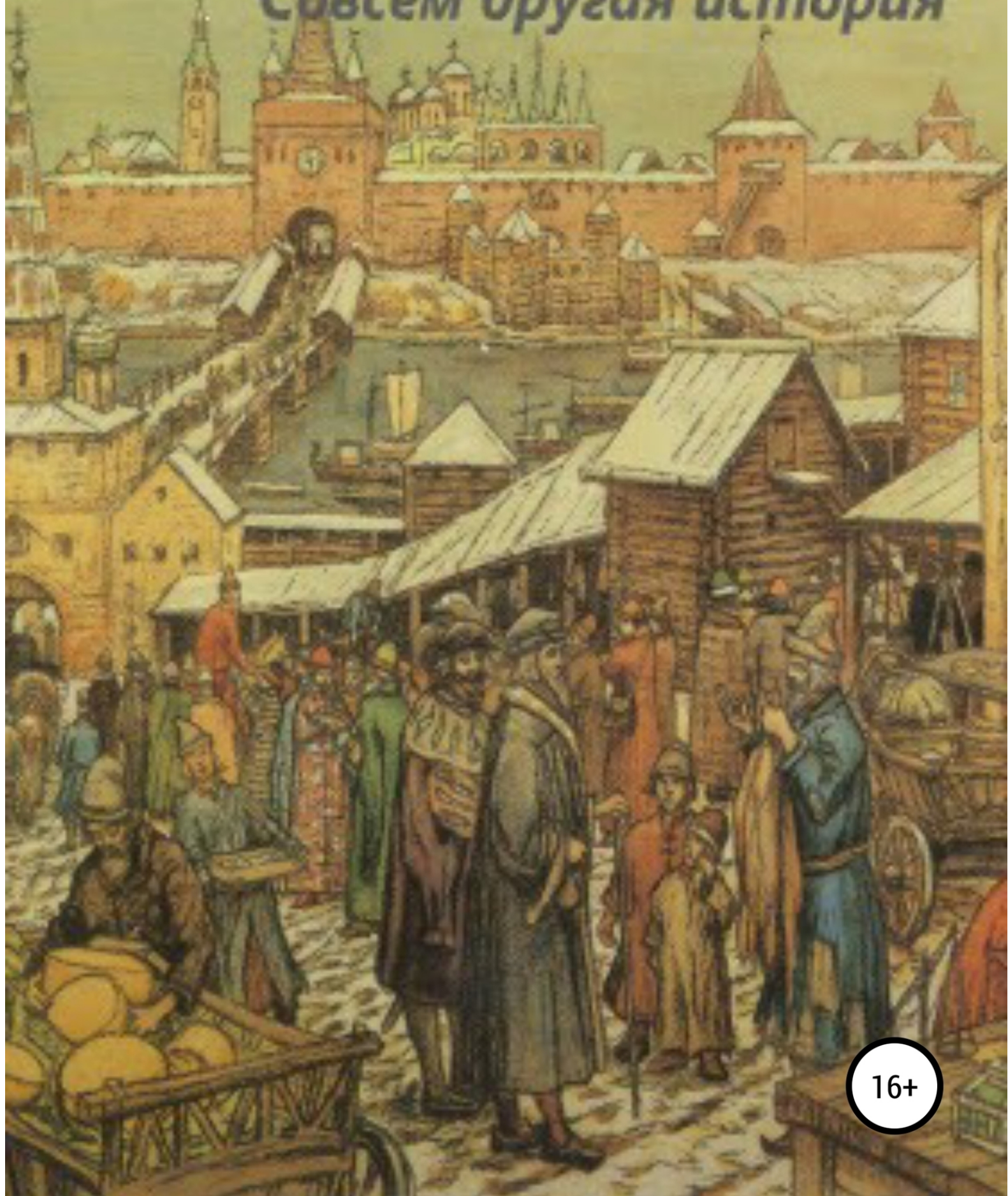

Виктор Сбитнев

Совсем другая история

16+

Виктор Сбитнев
Совсем другая история

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Сбитнев В. А.

Совсем другая история / В. А. Сбитнев — «ЛитРес: Самиздат»,
2019

Книга представляет из себя собрания эссе, объединенных одной общей идеей: на протяжении очень долгого времени Россиян упрямо "пичкают" имперской московско-центричной историей, преднамеренно забывая при этом о совсем другой - демократической истории вечевой Новгородской республики. И в той или иной мере все включенные в книгу эссе трактуют современные факты, события и явления общественной и культурной жизни с точки зрения философии Вольного Новгорода. Автор надеется, что это - совсем другая история - будет введена в школы и ВУЗы Российской Федерации.

*для подготовки обложки издания использована художественная работа Виктора Васнецова «Новгородский торг»

От автора

Эта книга состоит из шестнадцати эссе, художественно-публицистических произведений, в основе которых лежит принцип ассоциативного (а не логического) мышления. Если вдаваться в историю жанра, то эссе «придумали» поэты, которые отличаются от большинства смертных тем, что априори их стили представляют эксклюзивные метафоры. Вот и предлагаемые ниже эссе – развёрнутые метафоры как прошлых, так и настоящих времён – причём, как правило, прошлое используется всего лишь, как увеличительное стекло для скрупулёзного исследования досадных okazji нашего времени.

Об авторе

Виктор Альбертович Сбитнев родился 63 года назад в Москве, откуда в младенческом возрасте был перевезён в Село на Волге, где провёл своё золотое детство среди лесов, лугов, птиц и домашних животных, за которыми привык ухаживать и зимой, и летом. Потом мать забрала его в Новгород, где он окончил сначала школу, а затем институт... без единой четвёрки. А потом были армия, аспирантура и восемь лет преподавания на кафедре литературы: поэтика, теория стиха, стилистика, история русской литературы. Более двадцати лет В.А. Сбитнев профессионально занимался журналистикой, работал редактором нескольких изданий, редактировал две собственных газеты. Сегодня он – главный редактор единственного в области литературного альманаха «Костромской собеседник». Свои романы, повести, рассказы и очерки публикует в журналах «Подвиг», «Наш современник», «Север», «Литературная Россия», «День литературы», «Новая литература», «Мир Севера» и других. Автор нескольких книг прозы и сказок.

Предисловие к книге

Название книги исходит из пафоса «новгородских» эссе – «Почему либерализму не суждено победить в России?» и «Почему московские учёные молчат о новгородской демократии?». Дело в том, что уже в первом российском университете, то есть с середины 18-го века, русскую историю понимали, как московоцентристское учение (пропаганду!). Вот, де, была некогда единая Русь, которую крестил киевский князь Владимир, а потом грянула феодальная раздробленность, которой воспользовались монголы. А, соответственно, следующие триста лет, вплоть до Ивана Третьего, Руси вообще как бы и не было. Так... отдельные княжества. А потом сначала владимирские, а затем московские князья-государи стали её собирать. Особенно старался в этом смысле Иван Грозный, который просто спать не мог на феодально – раздробленной земле (видимо, и памятник ему в аккурат за это пару лет назад поставили). На самом же деле, поступками болезненно честолюбивого царя-мизантропа управляла не унаследованная рюриковичами тяга к целенаправленному собирательству русских земель во имя обретения максимальных возможностей защищать своих подданных, русских людей. Отнюдь. Новгород всегда подчинялся московскому князю, никогда не помышляя о войне с братьями по вере. А при Иване Третьем и де факто стал частью Московской Руси. Но внуку Ивана Третьего этого было мало. Новгород жил богаче и свободней, по нему Европа судила обо всей огромной православной Руси. Именно азиатская алчность и местечковая зависть заставили московского тирана двинуть русских стрельцов и наёмную татарскую конницу сначала на Шелонь, а затем под новгородские стены. Прежде всего, Новгород был безобразно по-монгольски разграблен, обескровлен и разрушен. Даже из церквей утащили все деньги, утварь и дорогие иконы. Ни в Казанском ханстве, ни в Астрахани царские опричники не выказывали такой беспримерной жестокости. Всё, что им не удалось вывезти из Новгорода, они либо утопили в Волхове, либо сожгли на площадях. Именно такое собирание русских земель (о нём с пафосом писали

известные русские историки Карамзин, Костомаров, Татищев, а позднее Рыбаков и Скрынников!) чудным образом преобразилось при Петре и Елизавете в имперскую концепцию российского единения. Из 18-го эта трактовка благополучно перетекла в век 19-й, а затем и в 20-й, когда большевики якобы из-за белогвардейской угрозы унесли ноги из объявившего советскую власть Петрограда в первопрестольную. С этого момента Москва стала безоговорочным центром огромной территории, на которой, невзирая на социалистический строй, открыто проповедовалась и практиковалась сугубо имперская политика. В наше время все сомнения сняты окончательно: Москва и частично Питер (культурная столица РФ) – метрополия, остальные области – колонии. Стиль и уровень жизни в метрополии и колониях – соответствующие: скажем, если в Москве средняя зарплата учителя 80 тысяч рублей, то в Костроме – 25 тысяч. Всё остальное без проблем сравнивается в этой же прогрессии. Заметим лишь, что в районах люди живут, выражаясь на русском – средневековым, ещё «подлее», чем в областных центрах. Многие очевидно помнят, что 21-й век начался с актуализации так называемых «вертикалей власти», которые, по замыслу президента, должны были стать главным инструментом наведения порядка в стране. И действительно, негативные последствия распада 90-х были преодолены уже к 2006 – 2008 году, но дальше... такая исполинская страна, как Россия, должна была естественным образом перейти от оперативного вертикального реагирования на плавное движение к горизонту. Как Штаты, как Земли Германии и провинции Китая. Горизонтальное развитие предполагает, например, что в США гражданин одинаково хорошо и успешно может жить как в Вашингтоне, так и в Чикаго, как в Нью-Йорке, так и в Лос-Анджелесе. В Германии, делятся опытом русские эмигранты, одни предпочитают преуспевать в Мюнхене, а другие – в Берлине, одни – в Штутгарте, а другие – в Лейпциге. Да и в Италии историки любят Рим, а технари – Милан, театралы – Верону, а моряки – Неаполь. У нас же нынче даже приглашённая на ТВ подкованная идеологически профессура простодушно заявляет с экрана: «Ну, зачем заниматься самоедством? Если хотите нормально зарабатывать, переезжайте в Москву!». То есть, согласно этой логике, в огромные территории РФ и инвестировать незачем, ибо это нефть, газ и навоз. Достойной жизни у нас хватит лишь на осознанно перебравшихся в Москву или Питер. Остальные пускай остаются жертвами своего тоже осознанного выбора. Убогими провинциалами. Этот судорожный московоцентризм запечатлел ещё Чехов в «Чайке»: «В Москву! В Москву! В Москву!!!» Да, что там Чехов? Московской болезнью поражены уже персонажи грибоедовского «Горя от ума» и радищевского «Путешествия из Петербурга в Москву». Между тем, в первом тысячелетии (9 век нашей эры) начала своё уникальное развитие и другая, вполне соизмеримая с Киевским, а затем и Московским государством Русь. Только в отличие от Москвы она никого не присоединяла и тем более не поработала. Это Господин Великий Новгород. Русская средневековая демократия, просуществовавшая на нашей земле – от прибалтийского Копорья до Северного Урала – более 500 лет! То есть, дольше, чем Римская империя. Но по странному стечению обстоятельств история этой Руси не только предана забвению, но и всячески «вытаптывается» в сознании современного гражданского общества. Автор уверен, что делается это целенаправленно, с молчаливого одобрения имперского Кремля, который буквально из года в год усиливает своё варварское давление на обираемые Центром регионы.

В этом отношении президент Путин мало чем отличается от царя Ивана, названного Грозным ещё и потому, что с вольными новгородцами он в средние века расправлялся не менее целенаправленно и жестоко, чем немецкие фашисты расправлялись с еврейским народом. Бояр и купцов его опричники зверски истребляли – так, что местами Волхов запружался трупами и отрубленными членами людей. А ремесленников царь расселял по медвежьим углам Московии, уничтожая тем самым даже проблески памяти о какой бы то ни было провинциальной самостоятельности и русской воле. И ничего нового в высказывании Путина – для западных ушей – о «скончании либерализма» нет. Упрощённо говоря, он почти дословно повторяет сво-

его идеологического отца Ивана, который так же полтысячелетия назад заявлял ганзейским купцам о «скончании новгородской вольницы».

В эссе, которые предлагаются Вашему вниманию ниже, содержится, главным образом, анализ существующего ныне в РФ режима. Но если вчитаться внимательно, с потаённым демократическим интересом, то, так сказать, на заднике изображаемых в книге событий всегда можно увидеть и снисходительную улыбку новгородского предпринимателя Садко, и пронизывающую решительность не ведающего страха ушкуйника Буслая. Они и были первыми русскими либералами, а говоря строго по-русски – **ВОЛЬНОЛЮБАМИ**. И именно такие люди стояли во главе **ДОМА СВЯТОЙ СОФИИ**, все обитатели которого жили богаче европейцев, боясь с кем-либо объединяться из осознания уникальности своих общественно-политических, экономических и культурных достижений. Это совсем другая история Руси, которая сегодня имеет равное право на появление в учебных программах и планах наших школ и ВУЗов. И у нас, русских, должна быть святая Воля на выбор: какую историю Отечества мы считаем родной?

Приоритеты очевидные и невероятные

Слово «приоритет» стали часто употреблять в начале девяностых, сразу после развала СССР. Оно означало как в политическом, так и в экономическом контексте – главное, основное направление работы руководства страны. Увы, по обыкновению декларируемые с высоких трибун приоритеты на практике почти всегда мутнели и выцветали, становясь недоработанными, а то и ошибочными проектами – «во всём виноват Чубайс» – поспешно усланных в отставку премьеров. И вновь провозглашалось главенство либеральных ценностей, то есть духовных и материальных прав личности, и вновь с первых же шагов нового правительства в России воцарялась духовная власть олигархов, чистогана и памятная до сих пор общенародная нищета. Сегодня вместе с отцом ваучера Чубайсом эти процессы ушли в тень, но термин «приоритеты» функционирует примерно с той же «успешностью», несмотря на то, что место космополитических либералов давно занято патриотами из «ЕР». И пока будет здравствовать столь невероятная для демократического, правового государства практика, все, на первый взгляд, позитивные указы президента так и останутся в подвешенном состоянии.

Давайте попробуем определить приоритеты нынешнего руководства России. Почему попробуем, а собственно не определим? Прежде всего, потому, что Президент сам сказал о своих указах, что надо де их стараться выполнять. И потом, руководство это чересчур объёмно и аморфно. Наиболее чётко обозначена лишь одна его дефиниция. Это президент РФ. Он – один единственный, и его избирают все россияне. Хотя срок его полномочий стал меняться в угоду около президентским элитам, что также не придаёт эффективности этой заимствованной на Западе демократической форме правления. А вот ниже, под президентом... царит полная чехарда. Хоть президент и является главой государства, но руководит он, прежде всего, правительством России, у которого имеется ещё один руководитель – премьер-министр. Кроме кабинета министров у президента есть ещё и его администрация, очень обширный и властный аппарат, во главе которого также стоит свой глава. За законы и их принятие в стране отвечают сразу две палаты: Совет Федерации и Государственная Дума, у которых также «свои особые» отношения с главой государства, его администрацией и правительством. И если раньше верхняя палата состояла из губернаторов и спикеров региональных дум, что было, по крайней мере, очень удобно, то нынче туда запросто проникают разного рода «безутешные вдовы», отставные министры и опальные олигархи. Если депутатов Государственной Думы в былые годы избирали жители регионов, то нынче они проходят по партийным спискам, которые практически утверждают лидеры парламентских партий. Но и этого нашим лидерам оказалось мало, и они инициировали создание общественной палаты, которая к тому же имеет своих деток в реги-

онах страны. И на всю эту махину в России работает ещё несколько махин, в которых задействованы тысячи и тысячи людей с соответствующими материальными предпочтениями. Все они держатся за свои сытные места, в соответствие с чем также оказывают ощутимое влияние на выработку президентских приоритетов.

Пойдём далее. Несмотря на то, что «обло огромно», оно не «лаяй», а настороженно и даже ревниво прислушивается к голосу президента, который, к слову сказать, окружён, как восточный падишах», целым роем советников и советчиков, которые также преследуют свои (своих элит!) отнюдь не бескорыстные цели. При первом президенте России в ходу было такое понятие, как «семья», в состав которой, так или иначе, входили и Чубайс, и Абрамович, и нынешний президент России. И не думаю, что понятие «семьи», как политический рудимент, навсегда осталось в прошлом веке. Ну, не «семья», так «друзья», и они также существенно влияют на определение нынешних приоритетов государственной политики.

И, наконец, Госсовет, Совет безопасности и обширный институт губернаторов. Первые две дефиниции в значительной степени влияют на определение приоритетов во внешней политике (армия, ГРУ, контрразведка, министерство иностранных дел и пр.), губернаторы, очевидно, помогают президенту определить (для себя!) приоритеты внутри страны. Заметим сразу, что все российские регионы как минимум делятся на две основные категории: дающие и берущие, то есть такие, например, как Тюменская область и наша Костромская или Тверская область и республика Якутия. А есть ещё особый регион – Чечня, особый регион – Дагестан, особый регион – Крым и целый супер – особый округ Дальневосточный.

В результате всех вышеозначенных факторов, формирование приоритетов в государственной политике теоретически должно происходить по весьма сложным и потому особенно продвинутым, наиболее современным схемам объективного независимого мониторинга и контроля. Однако, этого не происходит. Слово и дело в России по-прежнему есть не только ни одно и то же, но подчас прямо противоположные понятия. Красноречивый пример тому – майские указы президента, о которых сам президент вынужден был сказать (извините, повторяюсь!), что надо стремиться к их выполнению. Не выполнять, а «стремиться выполнять». Скажем больше! В последнее время президент в принципе всё чаще не указывает, а как бы советует и даже консультирует. Более – менее, твёрд он лишь при определении внешних приоритетов. Например, почему наши «Сушки», «Тушки» и «Миги» полетели в Сирию бомбить ИГИЛ? Потому что на питерских улицах юный Путин убедился, что «надо бить первым»! Некоторые субъективные мотивы лежали и при выработке антитурецких санкций, и при уничтожении ввозимых с Запада продуктов, и при проведении крымского референдума, не говоря уже о спасении экс-президента Януковича и о поддержке восточно-украинских самопровозглашённых республик. Словом, если говорить о внешнеполитических приоритетах, то они очерчены весьма рельефно. Все нынешние ТВ-ринги и дискуссионные площадки сплошь практикуют антиамериканизм, антиукраинизм, антибританизм, тему Сирии и иных конфликтных регионов, из чего следует, что наличие внешнего врага для нынешнего руководства России жизненно необходимо, поскольку в наиболее значительной степени, во-первых, отвлекает народ от чрезвычайно больших внутренних проблем, а во-вторых, наиболее действенно работает на процесс объединения нации.

Что же до внутренней политики, то, как сказано выше, здесь президент ограничивается только советами, рекомендациями, уходя по мере возможности за спины премьера и ключевых министров – экономики, финансов, машиностроения, соцзащиты, главы Центробанка и т.д. Соответственно и чётко очерченных приоритетов при проведении внутренней политики – нет! (декларативно появилась борьба с бедностью!). Водя дружбу с силовиками типа «простого служаки» Шойгу, Путин заметно дистанцировался и дистанцируется от «умников» типа Улюкаева и Силуанова. А министерство регионального развития вообще взял и упразднил! Хотя, видит Бог, в такой громадной стране, «над которой никогда не заходит солнце», минрегион

мог бы стать самой востребованной правительственной структурой, корректирующей направление давно назревших глобальных реформ абсолютно во всех сферах российского бытия: от сельского хозяйства и промышленности до образования, медицины и культуры. Невероятно, но, повторяю, приоритетов внутренней политики у нынешнего российского руководства практически нет. Прежде всего, это касается почти всех датируемых из Центра, так называемых депрессивных регионов. В той же Костроме по-прежнему стоят все крупные предприятия, всё так же подавляющая часть районов области не газифицирована, на территории области постепенно исчезают дороги, зарастают мелколесьем прежние сельхозугодья, лесосеки, забиваются последние коровы и телята, ликвидируются школы, библиотеки, медпункты, перестали быть судоходными реки, мелеют и скудеют рыбой озёра и прочее, прочее, прочее.

Теперь давайте глянем на Западные практики, откуда к нам пришли очень многие структурные управленческие схемы. Про дефиницию «президент» я уже говорил: заимствовать – заимствовали, но лишь голую форму, а содержание по существу заложили советское, сформированное ещё в недрах политбюро ЦК. Но возьмём очевидный приоритет политики США – как внешней, так и внутренней. В Штатах он един. Это, прежде всего, качество жизни американских граждан. Потом уже всё остальное. Как только это качество ухудшается, президент и его кабинет рискуют остаться не у дел. Их не только могут не переизбрать на новый срок, но и вообще объявить президенту импичмент. Примерно так же поставлено дело и в Западной Европе: ни Меркель, ни Макрон не могут почивать на лаврах ни минуты. А в парламентах Германии, Франции, Греции и даже Венгрии постоянно происходят так называемые партийные рокировки. То левые, то правые, то христиане, то социалисты, то националисты, то либералы, то консерваторы. . . Отнюдь, наша «Единая Россия» неколебима, как скала, и, вероятно, будет находиться наверху до какого-нибудь невероятного кризиса, революции или, упаси Господи, войны. Как говорится, нет внутригосударственного приоритета, нет последовательной верховной воли заботиться о качестве жизни россиян – нет и спроса с партии власти, со всех этих проедающих триллионы российских рублей («Денег в России, как грязи!» – председатель думского комитета Макаров) махин.

Признаюсь и отчасти покаюсь, что иногда в полемическом пылу я мог сказать оппонентам, что мне плевать на крымский мост и на Сирию, что, по большому счёту, меня не интересуют гуманитарные конвои в ДНР и ЛНР. Это, конечно же, не так. И дончан жалко, и Пальмиру, конечно, надо восстанавливать, и без моста до Керчи крымская жизнь будет проблемной и дорогой, НО. . . в качестве отправной точки всей проводимой политики необходимо за столбить приоритеты, как это делает каждый президент США, каждый премьер Англии и каждый канцлер Германии: во главу угла как внешней, так и внутренней политики, ставится благосостояние коренного населения страны. Всё остальное есть лишь средства для реализации этого приоритета. Например, зачем Америка, исходя из весьма сомнительных причин и посылов, напала на Ирак? Разумеется, с целью приобщения к процессу добычи и реализации огромных запасов углеводородов, которые столь необходимы трёмстам миллионам американских обывателей. И в результате сегодня бензин в США стоит дешевле, чем в России. И это при огромной разнице доходов между среднестатистическим россиянином и американцем в пользу последнего. Казалось бы, согласно Конституции РФ, все мы, граждане России, являемся равноправными совладельцами наших недр и природных богатств. Но это только по Конституции. . . На деле истинными обладателями этих богатств и недр являются так называемые «друзья власти» – такие, как Сечин, Абрамович и им подобные. Миллионам рядовых россиян с этого роскошного стола не перепадает ровным счётом ничего! Более того, российские власти так и не удовлетворили мнение большинства – хотя бы ввести прогрессивную шкалу налогов с тем, чтобы все эти «счастливицы», вольготно свесившие ноги с газовой и нефтяной труб, платили в бюджет страны не жалкие 13 процентов, а хотя бы 50, что давным-давно узаконено в целом ряде западных стран. Недаром же, к нам буквально бегут разного рода актёры, боксёры и иные проворно

нажившие большие капиталы иностранцы. Словом, как бы это непатриотично ни звучало, но разница в подходах к самой природе власти налицо: у них приоритеты очевидны, поскольку целесообразны, у нас они – невероятны, поскольку рассчитаны на некие внешние, практически не связанные с качеством жизни россиян события. Понимаете, прежде чем послать в Донбасс конвои с продовольствием, строить крымский мост и тратить миллиарды на освобождение Пальмиры, следует проехать по той же Костромской области, откуда пошла династия Романовых, и увидеть, что на её непричисанных пространствах хиреют брошенные посёлки, фермы, опустевшие деревни, разворованные цеха закрытых предприятий, что оставшиеся кое-где русские люди живут крайне бедно, да и не живут, по большому счёту, а выживают. Примерно такие же картины, которые невольно ассоциируются с только что прошедшей в этих краях войной, можно увидеть и на Вологодчине, и на Нижегородчине, и на Тверских и Ивановских землях. А ведь всё это центр России, земли тысячелетнего формирования русской нации. Они, русские, терпели большевиков, коммунистов, либералов и всё ждали, ждали, ждали... приоритетов. Но приоритеты эти и сегодня не принимают их в расчёт. Это красноречиво явствует, например, из злобы нынешних общественно-политических программ, на которых одни и те же приглашённые изо дня в день, из ночи в ночь ломают копыта вокруг чего угодно – америк, евросоюзов, пальмир, украин, турций, миллиардов Яценюка и девочек Дерипаски, но, например, про снижение индексации пенсий десяткам миллионов россиян – ни слова. И уж тем более, ничего сколько-нибудь убедительного так и не было сказано насчёт причин этого снижения с 11,5 до 4 процентов! А ещё недавно понизили доходы учителей, врачей и работников культуры... тоже молча. Зато вновь, как в имперские годы, гордимся нашими новыми истребителями, танками, подлодками, ракетными системами и высочайшим рейтингом первого лица. Приезжающие к нам в гости европейцы и американцы искренне считают такие приоритеты невероятными, а мы им в ответ ехидно улыбаемся как в том анекдоте:

– Рыжий, у тебя дом сгорел!

– Ну и что? А у тебя жена гуляет!

Первая утрата очевидна, а вторая, как приоритет нашей политики, НЕВЕРОЯТНА!

Мифы, как приём управления русским демосом

Каждый, кто учился в гуманитарном ВУЗе, наверняка слушал на первом-втором курсах лекции по греческой мифологии и даже заучивал наизусть – а что собственно есть миф: вид искусства, фольклорный жанр или способ бытования художественного творчества в период античности? Однако в разговорной русской лексике мифами стали именовать разного рода небылицы, в том числе о советских государственных деятелях и политике вообще, поскольку со времён первых ленинских декретов нашему народу постоянно говорили неправду, то есть, выражаясь фигурально, «толкали» мифы, находя этому впоследствии веские причины. Главную из них, думается, второпях озвучил один из политических лидеров 90-х: «Народ не тот достался...». Очевидно, он и нынче, так сказать, не совсем «тот»...

По нашим подсчётам, не менее половины россиян относятся к нынешней власти скептически (это не касается президента). А если вместо изошрённой пропаганды в российское общественное сознание вернуть больше информативности и аналитики, то численность скептиков вырастет кратно. Соответственно тут же резко снизится рейтинг первого лица страны (что в принципе скажется положительно на жизни всего российского общества, поскольку чересчур высокий рейтинг государственного лидера есть показатель несамостоятельности мышления его подданных), который в связи с этим окажется перед необходимостью смены элит. Очевидно, что во властных структурах (и элитах) также прекрасно понимают сие. Поэтому я не слишком погрешу против истины, если скажу, что имидж президента в современной России создаётся примерно по той же схеме, по какой создавались в древней Греции мифы о Геракле, который мог в одиночку разгромить вражескую армию, взять неприступную крепость, уничтожить

любого монстра. Сама возможность существования среди людей такого героя вселяла оптимизм в граждан свободной Эллады, льстила их самолюбию, была своего рода залогом крепости греческой государственности. Вот и сегодня, прежде всего в целях самосохранения, высшая элита инициирует создание мифов о главе государства: президент спускается в пучину на батискафе, президент мастерски вылавливает на родине министра обороны самую крупную в России щуку, президент запросто взлетает на самом современном истребителе, президент по-свойски садится за руль новой «Лады», президент привычно прикидывается к прицелу снайперской винтовки и так далее. Вспомним Геракла. Там – то же: то на суше, то на воде, то в небесах. Соответственно: то трёхглавый лев, то исполинская гидра, то некие неуязвимые железные птицы, которых Геракл, выражаясь языком современного российского миф – ТВ, «грамотно принимает». Есть у нас и своя Троя. Это, разумеется, Крым. А так называемые «вежливые люди» вполне «тянут» на роль Троянского коня, который – что ни говори – сыграл свою роль во время проведения референдума.

И вообще, если брать шире, то вся нынешняя российская действительность мифологизирована. Например, только что один из замов руководителя пенсионного фонда страны заманчиво сообщил по ТВ, что если отложить получение пенсии на десять лет, то она может увеличиться почти в два раза. И это, притом, что средняя продолжительность жизни в России 71 год, а российский мужик вообще живёт в среднем не более 65 лет. Как известно, на пенсию он выходит в 60. То есть если ему отложить получение пенсии на 10 лет, он начнёт получать её в 70. Иными словами, российский госслужащий призывает россиян получать пенсию либо после смерти, либо в преддверии её, так сказать, себе на достойные похороны. Ну, скажите, чем не миф? Своего рода мифом является официальное обоснование наших бомбёжек в Сирии – что де надо уничтожать террористов на дальних подступах к нашим границам. Как известно уже с давних пор, и всякий честный военный подтвердит вам это, – для того, чтобы террористы не проникали на территорию РФ, необходимо, прежде всего, укрепить наши границы, то есть дооснастить их современной техникой, увеличить численность пограничных войск, ужесточить пропускной режим и тому подобное. Это в разы дешевле, надёжнее и умнее: и у террористов не будет новых веских причин для мщения, и у Запада – для введения новых санкций, и у нас останется больше денег для инвестиций в нашу измученную «внешними неувязками» экономику. И что удивительно, когда я сидел за работой над этим эссе, за стенкой выступал наш популярный военный ансамбль песни и пляски, и до меня явственно донеслись слова исполняемой Иосифом Кобзоном песни: «Нам не надо чужой территории, мы ни с кем не хотим воевать!». Комментарии, как говорится, излишни.

В сущности, мифом является всё официальное информирование россиян через государственные СМИ: скоро добрую часть ведущих российских спортсменов отлучат от спорта за употребление допинга, а министр спорта РФ сразу после оглашения ВАДА положительных проб брякнул нечто невразумительное о неучастии государства в этом процессе. Друзья мои, а зачем нам тогда вообще министерство спорта и сам министр? Характерно, когда такого министерства у нас не было, не было и проблемы допинга (Когда этот материал был уже написан, министр «взял всю ответственность за допинговую проблему на себя». Не иначе, «вставили» ему старшие товарищи за постоянную изворотливость.).

Мы добровольно свернули почти все экономические проекты с Турцией в ситуации развёрнутых против нас жёстких европейских и американских санкций. Эрдоган, конечно же, не подарок, но экономика не терпит резких перемен, она в принципе консервативна. Может, ради этого, то есть сохранения некоего достойного уровня благосостояния россиян, можно было отреагировать на сбитый турками самолёт сугубо в дипломатической плоскости? Ну, нельзя сразу, стремглав заменить обширный турецкий рынок африканским или латиноамериканским. Естественно, резко выросли цены на мандарины и апельсины, которые по весне только и могут восполнять в организме недостаток витамина «Ц». И это уже государственная проблема,

ибо нехватка вышеуказанного элемента ведёт к резкому понижению жизненного тонуса. И, конечно же, стремительное свёртывание отношений с Турцией не измеряется лишь цитрусовыми и помидорами. Ну, например, многие наши женщины, на фоне длительных дружеских отношений между нашими странами, вышли за турок замуж. А интеграция этносов, культур, наук, экономических интересов в целом? Поэтому, сдаётся мне, что «экономически просчитанная» переориентация на некие нам дружественные страны – это тоже миф. Кстати, даже небогатые россияне успели недолго пожить в достаточно «хорошо оборудованной» стране, то есть в том же 2010-м году, когда они, получающие невысокие зарплаты, имели возможность ездить в ту же Грецию. Лично путешествовал и по Родосу, и по Криту, то есть там, где изначально создавались мифы. Мне было ох как хорошо, потому что я вот так запросто стоял в бурных водах легендарного Эгейского моря! И вот это, скажем так, свободное перемещение миллионов простых россиян по огромному, не придуманному миру, согласитесь, может поколебать мифы, созданные вокруг их политических лидеров! Почему? Да, потому, что становясь частью Европы, россияне волей-неволей начинают сравнивать и в перспективе соответственно презирать всех этих мифотворцев за то, что они, грубо говоря, пудрят им мозги. Европа-то, оказывается, живёт несравненно лучше, а почему же мы? Вот и вся нехитрая мудрость российского мифотворчества сегодня.

Выше я уже писал о «турецкой проблеме». Что ж, Турция для себя решает и её, – например, посредством заключения выгодных экономических контрактов с Украиной – между прочим, более чем на 20 млрд. долларов! Брошенную нами Кубу уже «подхватили» Штаты. И после визита на Остров Свободы американского президента это уже не миф! Не промах и наш самый надёжный на Востоке союзник Иран, который, словно в пику возможным российским анти – санкциям по газу, настойчиво прокладывает газопровод в Европу, а другой союзник, член придуманного Россией БРИГС Китай в значительно большей мере, чем на РФ, экономически ориентирован на США и страны Африки (посмотрите статистические финансовые данные!). Принимают – и по большому счёту, не в ущерб себе – очередные антироссийские меры страны Скандинавии, Прибалтики и западной Европы. Крупнейшие банки, например, и торгово-промышленные кампании, которые всерьёз встревожены спадом нашего производства и матерееющей день ото дня коррупцией. Скоро нашим «равноправным» торговым партнёром останется одна лишь Северная Корея, если, конечно, просуществует в её нынешнем виде ещё хотя бы пару лет. И если вскоре и в самом деле будут задействованы новые энергетические разработки, а всё идёт именно к этому, то добыча нефти, газа и иные, связанные с эксплуатацией земных недр технологии и соответственно их купля-продажа, уйдут на задний план. И на чём тогда будем держаться мы? Правильно, на одном лишь безумно высоком рейтинге, то есть созданном пропагандой мифе, согласно которому «нынешнему Гераклу» по силам всё, даже повышение цен на нефть. «Вы только посмотрите, – захлёбываясь от восхищения, обращается к нам один из ведущих российского телеканала. – Стоило нашему президенту поговорить с представителями стран ОПЕК, как цена на нефть тут же поползла вверх! А ведь впереди московская встреча с лидерами нефтедобывающих отраслей!».

А между тем, не только политические оппозиционеры с 90-х годов говорят о необходимости инвестировать в реальное производство. Перечтите речи лидеров «Единой России», КПРФ, «Справедливой России» и даже нашего главного геополитика, более других довольного российским продвижением к Индийскому океану Жириновского. Все сходятся на том, что без современной развитой экономики Россия обречена скатываться на обочину цивилизации. Нынешний лидер находится у власти уже более пятнадцати лет, и что крупного в реальной промышленности за это время построено? В сущности, очень немного. Танки, самолёты, ракеты, разного рода спортивные комплексы, мосты под проведение международных саммитов, «экологические тоннели», олимпийские и иные «потёмкинские деревни», рассчитанные на один лишь внешний эффект, на укоренение российской государственной мифологии. Сегодня неко-

торые аналитики уже открыто сожалеют о том, что в так называемые «тучные годы» правительство инвестировало во что угодно, только не в промышленность, а нынче уже и инвестировать нечего. Остаётся летать на истребителях и играть в хоккей с правительством Москвы. При таком политическом раскладе существенную позитивную роль в оздоровлении российской экономики мог бы сыграть премьер, который по идее как раз и должен заниматься расчисткой «авгиевых конюшен». Однако, он, по чести говоря, уж совершенно не мифологический типаж. Лично мне не ясно, а зачем он при нынешнем президенте нужен вообще? Ведь невооружённым глазом видно, что все члены правительства, без исключения, напрямую подчиняются исключительно президенту. Причём, подчиняются безоговорочно, почти трепетно – как «рядовые» греки подчинялись Гераклу, как олимпийские небожители – Зевсу. В мифе, что ни говори, все действия и поступки героев проистекают по строгим законам жанра. Дошло до того, что нынешние министры экономики, финансов, глава Центробанка более всего походят на некие говорящие головы с кнопками, на которые время от времени жмёт президент, когда ему необходимо получить заранее загнанный в эти «устройства» ответ. Остальные устройства типа министров образования и социальной защиты вообще кнопок не имеют, а запрограммированы по релейному типу. То есть прорезаются самостоятельно, примерно один раз в месяц, а то и в квартал. Думаете, я преувеличиваю, сгущаю краски? Отнюдь. Попробуйте перенести своё мироощущение хотя бы в 2010-й год. Перенесли? Непривычно, правда? Всё равно, что, вы переобулись из ставшего тесным 43-го сразу в 45-й. Не знаю, как вы, а я предпочитаю носить на размер больше, нежели наоборот. Не жмёт, не трёт и к тому же можно надеть толстый шерстяной носок. Словом, есть возможность маневрировать, пробовать, **ВЫБИРАТЬ!** Нынче же выбирать, в сущности, не приходится: со всех сторон лишь жим и трение... даже у тех же мифотворцев. Впрочем, у этих «патриотов России» на всякий случай имеются «запасные родины», куда они, если вдруг мифологизация российской жизни «невзначай» будет пресечена, проворно переберутся. А вот нам – провинциалам с этим рейтингом, над увеличением которого мучаются десятки и сотни руководителей разного рода столичных общественно-политических институтов и фондов, оставаться до скончания веку: кому дольше, кому короче, а кому и до своей гробовой доски, ибо не факт, что главному герою нынешних мифов завтра не найдут «достойную» смену – примерно с теми же привычками: летать, плавать и лично спасать тигров и леопардов на Дальнем Востоке. Ведь, больше некому, правда?

Знаете, рассуждая вот так скептически о всероссийских лидерах, я вдруг поймал себя на мысли, что наши региональные начальники в большинстве своём вовсе не такие. Во-первых, они неважно плавают, не играют в хоккей и не выходят на татами. Во-вторых, многие курят, имеют лишний вес и не любят встречать Новый год или Рождество в медвежьих углах вверенной территории и так далее. Но роднит их, безусловно, одно. Это нежная привязанность к процедуре вручения разного рода поощрений, призов, премий и наград от имени стоящего за их спиной государства (в прежние времена русские цари метали в народ то монеты, а то и бисквиты, а подданные, давя друг друга до смерти, эти дары с энтузиазмом расхватывали!). Именно такое персонифицированное ощущение государственности в России является самым укоренённым. И, прежде всего, поэтому мы и находимся сегодня в глубокой-преглубокой экономической яме, из которой не видно уже ни 1913-го (год подведения экономических итогов, согласно которым Россия, как нынешний Китай, развивалась стремительней всех в мире!), ни даже 1945-го (год распространения русского влияния на большую часть Европы), а маячит одна лишь безальтернативная некрасовская перспектива: вот приедет лидер, лидер нас рассудит. Ну, если не сам лидер, то губернатор, мэр или какой-нибудь местный олигарх, который решил пожертвовать «на бедных» толику у них же отъятых денег. Главное, как явствует из современной мифологии, надо уповать на «вертикали», и тогда ледяная глыба с нагретой весенним солнышком крыши неминуемо «поправит» твою вечно повинную, больную со вчерашнего голову. Ведь мифы всегда призывали простой демос к терпению и позитиву!

Кострома, 2015 год

Сто лет без одиночества

«Мир был ещё таким новым, что многие вещи ещё не имели названия и на них приходилось показывать пальцем» / Габриэль Гарсиа Маркес /.

Ценность отдельной жизни – ничто в сравнении с ценностью стада: как животного, так и человеческого. Стадо затопчет любого, кто стоит на пути, и даже не заметит». / Дмитрий Травин /

Впервые я совершенно отчётливо понял, что время и пространство связаны не где-то там, в умных книжках и хитрых математических формулах, а в аккурат в моём холодном, беспристрастном мозгу убеждённого материалиста, никогда не доверявшего ни мороку экстрасенсорных аллюзий, ни чувственности широко употребляемых метафор. Увиденное ошеломило. Я стоял на обочине только что приведшей меня в этот край дороги и не имел возможности поверить, что я здесь родился, вырос и жил так долго, что успел запомнить на этом лоне земном каждый бугорок и выступ, а все его избы, бани и колодцы даже во сне приходили ко мне только при своих конкретных именах и интонационных окрасах. Ничего этого не просто не было, но и не могло здесь быть... никогда! Не было не только моего родного дома, о чём я заранее знал, но и самого лона, то есть уходящих к горизонту бескрайних среднерусских полей с пологими холмами и аккуратными рощами, с подпирающей горизонт горой, по которой разбегались на две стороны игрушечные выселки, опутанные нитями дорог в разноцветных заплатках сельскохозяйственных угодий. Да, не было ничего. Лишь беспорядочная лесная «дрянь»: мелкий березняк вперемежку с ивой, ольхой и занесённым сюда невесть как борщевиком да кое-где изрядно полинявшие купы вётел, которыми некогда славилось родное село. Пожалуй, только они больно кольнули что-то внутри, и это что-то нехотя запустило перед мысленным взором череду сомнений: нет, это не дикая сельва, не случайная безлика пустынь, а родной Эдем, у входа в который меня тищится спасти впервые усомнившаяся в себе Память.

Я вспомнил, что в последний раз был здесь «на стрежне веков», сразу после ухода первого российского президента, когда то и дело вертелись в общественном пространстве полузабытые остроты застойной поры типа «прошлое наше ужасно, будущее – прекрасно» и «партия нас учит, что газы от нагревания расширяются». Они, очевидно, весьма прозорливо обозначали обширные цели инициаторов создания «Единой России», ибо в настоящем, которое не брали в расчёт ни коммунисты, ни демократы, у России натурально остались одни только газовые (нефтяные) потоки да вот эта «дрянь» мелкоколосья. А тогда, помнится, я ещё спускался к знакомым крышам по вполне себе причёсанной равнине, и старые вётелы отчётливо обозначали и русло обмелевшей речки, и береговое полукружье пруда, и даже край родной лужайки, на которой я – после гриппозного осложнения – второй раз в жизни учился ходить. И вот не минуло и двадцати лет нового века, и не стало ровным счётом НИ – ЧЕ – ГО. Кое-как раздвигая спутанные пряди беспорядочного подлеса, я никак не мог поверить, что бестолково оступаюсь ровно на тех уклонах, по которым некогда мог с закрытыми глазами пронести и не расплескать кринку парного молока, а июльской грозой наугад носился здесь, купаясь до беспамятства в духмяных парах цветущей гречихи. Но такого не могло случиться! – то появлялся, то вновь исчезал внутренний голос. – Такие чудовищные перемены определяют века! И я вдруг вспомнил, как мой дед рассказывал примерно о таком же вот оцепенении, которое сковало его в двадцатые (почти век назад!), когда он, после долгих артельных странствий по дальним городам и весям, помятый изнурительными допросами в райотделе НКВД, вернулся вот этой же дорогой к родным дымам. Тогда он не увидел ни церкви, ни барского дома, ни мельниц, ни кожевенной мануфактуры, ни целого порядка самых богатых на селе изб. Село менее чем за десяток лет стало чужим, кургузым, совершенно не похожим на самоё себя. «Уходил из одного места, а

чуть погодя вернулся в совсем другое», – поведал он мне тогда своё странное ощущение, которое стойко держалось в нём до конца дней. Я потом не единожды задавал ему очень большие по тем временам вопросы: зачем? и почему? Он несколько раз пытался объяснять мне что-то из того, что сам понял только потом, на фронте. А точнее – маясь в госпиталях с прострелянными руками и ногами. Но тогда я не понял: то ли ещё не дорос, то ли просто духу не хватило. Лишь долго недоумевал: за что моему работающему деду пришили «связь с врагами народа», если после всех революций, «гражданки», продразвёрстки и раскулачиваний и самого народа-то в нашем краю почти не осталось? Но именно с той поры я стал мучительно размышлять над тем, чем правда моего мудрого деда отличается от правды самодовольных гоблинов НКВД, а правда одного честного человека от правды «спаянного коллектива»? И выводы чем далее – тем всё более делал не в пользу последнего. Всё окончательно стало по своим местам, когда до тошноты спаявшийся коллектив провинциального ВУЗа, где я преподавал, отправил меня (как и деда когда-то) сначала в солдаты (при содействии КГБ), а затем – в одиночное плавание по бурлящим водам перестройки. Помню то пронзительное ощущение, которое вдруг посетило меня на очередном протестном митинге: самое невозвратное, что несправедливо и незаконно отняли Ленин и большевики у русского человека, – это право быть собой, возможность думать и принимать самостоятельные решения, то есть, в сущности, иногда, от случая к случаю, быть одиноким. А умному человеку это порой жизненно необходимо... ну, хотя для того, чтобы оставаться умным, то есть, прежде всего, самостоятельным и не повторяющим чужих глупостей. Много позже, уже с возрастом, я научился практически с первого взгляда узнавать эту людскую единичность, независимость почти в каждом, с кем меня на время сводил случай. И, к сожалению, чрезвычайно редко такие люди попадались мне сперва на митингах, а затем и в кабинетах власти.

Итак, почему так быстро меняется пространство? И случалось ли такое раньше? Что понял мой дед в те давние военные годы? Думаю, понял он ровно то, что и всякий другой, у кого на руках за короткое время умерли десятки изодранных железом родных сельских мужиков, наспех переодетых в мешковатые фуфайки и галифе. Понял он, что и сам едва не оказался там, куда прямо под окнами палаты везли и везли каждый день его отмаявшихся госпитальных соседей, как, случалось, возили их и раньше по красной улице села в аккурат к «обчему двору» в ледник, где до прихода большевиков сельчане хранили артельное мясо и молоко. «Красный террор»! Разумеется, в голове у единицы такой варварский «проект» взреть не мог, только коллективный разум «рождает чудовищ»: царскую семью убивали взводом, зажиточных крестьян Юга – армией Тухачевского, русское казачество – фронтом Троцкого. При этом окрестные пространства менялись в считанные дни: «Четвёртые сутки пылают станицы...». Коллективно можно «истратить» на лоне земном не только крестьянские избы, но и престольные храмы, не только станицы, но и целые города, не только отдельные области (Костромскую, например), но и целые страны. «Единица, кому она нужна? – вопрошал моего деда с односельчанами глашатай Революции и, сам же отвечая, убеждал доверчивых мужиков учиться жить чужим умом: «А если в партию сгрудилась малые, сдайся враг, замри и ляг!». Это так вдохновило отца народов, что почти все его подданные, как говорится, замерли и легли. Именно это дед мой и понял, когда после недели пребывания на передовой под Можайском больше года лежал в госпиталях, а, едва поднявшись, вернулся хромым и одноруким в обнищавшее село – кормить свою большую оголодавшую без него семью ...

Впрочем, справедливости ради заметим, что не все и не сразу вот так взяли замерли и легли. До массовых посадок ещё встречались коллективы, представители которых с вызовом предлагали Поэту: «А Вы прочтите свою поэму «Хорошо – с!». Не оттого ли и пальнул в себя из браунинга, что поэтический порыв – одно, а вот противостоять в реальном времени «спаянному коллективу» – совсем другое. Да и моё село долго противостояло сжимающемуся окрест пространству. Помню, как деда едва не посадили в шестидесятые за то, что он прирезал к

огороду по метру – полтора с каждой стороны. Не из корысти прирезал, а просто так было удобней – поставить новый забор вместо прогнившего, зацепив десяток квадратов бестолково пустовавшей кругом земли. Но большевики и через пятьдесят лет после своей победы упрямо продолжали бороться за сплывающую бедность и полную победу над корыстным единоличником. «Вступай в колхоз. Там поглядим!» – оправдывали свою нелепую на нашей пустоши «принципиальность» районные землемеры. Но дед с фронта и до самой смерти так и остался «боевой единицей», то есть одноруким частником, который так и не снял со стен портретов Бухарина и Чайнова, истреблённых разоблачителями уклонов за крамольное учение о «мирном вращении кулака в социализм».

...Кое-как миновав дикую поросль и заросшие ямы «родного пепелища», я продираюсь наугад к спуску, который сливает воду после паводков и дождей из верхнего сельского пруда в нижний. Раньше над спуском пролегал весьма изящный мост, по которому наши отцы и деды по какой-либо надобности легко проходили к центру села. Но с ходу пройти мне не удалось: вместо моста на двух бетонных сваях кое-как висели над глубокой вымоиной два ненадёжных горбыля. Постояв перед ними с минуту, я решительно спустился к ручью и, расшнуровав ботинки и подогнув брюки, легко перешёл вброд. Вода в пруду была темнее торфа, и внимательно к нему приглядевшись, я понял, что это уже не пруд, а нечто среднее между заилившейся канавой и обыкновенным лесным болотом, по берегам которого кое-где угадывались охотничьи лёжки. И это почти в самом центре села! Собственно, теперь центра в его прежнем значении у села не было. От него остались разве что магазин да здание сельсовета, где, вероятно, гнезвился теперь орган с равнодушным, не обещающим ничего доброго названием – Администрация. Они, администрации, нынче есть практически везде и при всём – от президента России и бесчисленных пропрезидентских фондов и институтов до городских барахолок и пыльных поселковых базаров. Но один уцелевший «объект» меня искренне порадовал, хоть и плохо просматривался в разросшихся кустах сирени и рваных клоках матёрой крапивы. Это был изрядно полинявший от осадков и солнца обелиск, возведённый здесь ещё в брежневское время. Было заметно, что его всё же время от времени кое-как подлатывали и подкрашивали, поспешно тратя скудно отпущенные на текущий ремонт материалы. Сначала я нашёл на одной из порыжевших плит более десятка носителей родной фамилии, а потом не поленился посчитать и все фамилии вместе. И набралось их ровно двести пятьдесят! Нет, вы только попытайтесь представить этих молодых крепких мужиков на щербатой не выкошенной улочке возле просевшего на один бок магазина, амбарных руин и каких-то напоминающих не сказать что бугров... Негде! Не на чем! Почитай, одно пустое, продуваемое сквозными ветрами пространство. Вот он, провозглашённый верховной властью патриотизм, наша российская связь поколений! Одно почти полностью полегло ради сохранения светлого будущего, а другое взяло и вбило в это будущее и светлое осиновый кол, то есть попросту бросило здесь всё на произвол судьбы, хоть, по правде говоря, и не могло этого сделать... без посторонней помощи. А помощников в России!.. Я тут же вспомнил, как студентом – стройотрядовцем пошёл на ферму за мясом, где тщедушный мужичок из местных попытался привычным движением зарезать телёнка, но у него, с утра пьяного, не получилось: телёнок долго не умирал и, харкая кровью, жалобно смотрел на своего мучителя. Тогда тот, участливо посмотрев телёнку в глаза, предложил с пониманием: «Давай помогу!» и... осторожно увеличил ножом прореху на телячьей горле. Тот, ещё дважды или трижды дёрнув ногой, наконец-то отмучился. Помог, короче. Вот и нам, деревенским по рождению, помогли, чтобы затем, уже городским, указать, как было и задумано ещё большевиками, наше истинное место... всё там же, «у той же параша!» Но сейчас я не о том, не про бесполезную обиду, а про гибель целой мужичьей цивилизации. Самодостаточной автономной системы, имевшей всё плоть от плоти своё, русское, даже демократию, увы, уничтоженную Иваном Грозным в 16-ом веке. А потом, четырьмя веками позже, близкая по генезису сила распылила и всю Россию с её тысячами и тысячами деревень, выселков, сёл

и малых городов с церквями и погостами. Впрочем, кладбище в моём родном селе оказалось единственным абсолютно сохранённым в своём тридцатилетней давности состоянии. Кресты, убогие в большинстве своём памятники и ограды, выцветшие веночки с траурными лентами и букеты из искусственных цветов – всё на нём сохранилось в полном порядке. Ходи узкими проходами, всматривайся в кое-где уцелевшие надписи и даже фотографии, читай и узнавай своих пращуров и дальних-дальних родственников. А здесь почти все они кем-то да тебе приходится – двоюродными да троюродными тётками, дядьками, дедушками да прадедушками, родившимися аж в позапрошлом веке и, в конце концов, бережно принесёнными сюда своими близкими и соседями. А теперь, говорят, особенно в зимнее время, и закопать новопреставленных некому. И лежат себе покойники, где Господь прибрал, по несколько дней до случайно заглянувшего на непогашенный свет прохожего. И не только старики высохшие, но и оставленные судьбой и страной вполне ещё молодые люди. Они виновато смотрят на меня со свежих ещё могильных холмов, на которых успели поставить цинковые кресты с выпуклыми фото и стандартными табличками. Этой покойнице чуть больше тридцати, а этому и того нету! И даже узнать не у кого: отчего умерли эти Ольга Л. и Миша К.? Впрочем, перед самым отъездом сюда я узнал от одной обосновавшейся в райцентре родственницы, как здесь погиб едва ли не последний молодой мужик. Привычно подоив оставшуюся в хозяйстве козу и переодевшись во всё чистое, бросился он вниз головой с ветлы, успев крикнуть в сторону Москвы и президента: «Прощевайте покудова!». Почему? История обычная. Вернулся из армии, жил случайными заработками, на постоянную работу устроиться некуда, жениться не на ком, уехать не к кому, от одиночества начал пить, от одиночества и шагнул прочь, в пустое пространство. Какая разница: ветла ли, петля ли, ружейный ли выстрел, болезнь ли какая, от которой на селе не вылечиться, одиночество ли звенящее, в котором за сто лет жить отучили? «Дрянью» кругом берёзовая и полное равнодушие администраций, дум, президентов. Точнее сказать, не равнодушие, а несовпадение интересов и взглядов: оставшиеся на российских пространствах, фактически брошенные властью люди смотрят в одну сторону, а российские администрации и президенты – в другую. Предвижу, что отдельные, несельские в большинстве своём инициаторы российского патриотизма могут привычно разоблачить пишущего эти строки, что, дескать, он – не иначе либерал, ибо даже берёзку русскую «дрянью» называет? Замечу им для широты кругозора, что берёза, лишь когда она растёт возле обихоженного жилья или той же дачи, тогда только стройна и красива. Но стоит человеку оставить местность, как брошенное на произвол судьбы дерево даёт окрест себя (разбрасывает серёжками) никем и ничем не контролируемое потомство. Так вот, оно со временем и зовётся людьми «дрянью», ибо представляет из себя беспорядочно растущее мелколесье: кривой мелкий («дрянной») березняк вперемешку с ивняком, ольшаником, осинником и опутавшими поросль вьюном и бурьяном. Всё это крайне не породисто и ничем не радует глаз. И, разумеется, не из чего тут извлекать ни практической пользы, ни российского патриотизма. Замечу, что первое необходимо, прежде всего, отдельным работающим лицам, а последнее – безликим массам, которые бездумно маршируют вот уже сотню лет по стране некогда склонных к мудрствованиям одиночек. Ещё раз повторю для полной ясности: я отнюдь не противопоставляю человека человечеству, ибо разница в данном случае лежит всего лишь в плоскости грамматической категории. Я говорю о категории разума, как главном мериле всякой личности. Когда это личностное преднамеренно стирают, как это упрямо практиковали большевики после 17-го года, то общественное сознание почти автоматически заполняется коллективным «безумием», то есть отсутствием в человечестве собственно человеческого, характерного отдельно взятому индивиду. Были в России отдельные писатели – стали писательские союзы, действовали в русской литературе узнаваемые литературные герои – стали действовать обезличенные «людские множества», как в «Железном потоке» или «России, кровью пьяной». Эта литература с пролетарской непосредственностью утверждала: нет в принципе никакой отдельной личности в нашем обществе, есть людские

массы с коллективной волей, движущей их к какой-то там победе... неважно над кем. Враги по ходу менялись. Неизменным было само коллективное движение к победе... вплоть до 1941-го, пока сразу несколькими миллионами переодетых в военное рабочих и крестьян ни угодили в плен к немецкому капитализму – милитаризму, успевшему к этому времени мозгами отдельных гениев и мастеров своего дела создать самую профессиональную и боеспособную армию мира. Казалось бы, миллионные потери людских ресурсов и почти всей материальной базы вызвали: надо отойти, сосредоточиться и осознать. Отошли и сосредоточились, но осознали – едва ли. Сразу после победы под Москвой повторили лето 41-го подо Ржевом и в Мясном Бору. Об этом стараются до сих пор помалкивать, но под крохотным Ржевом Сталин и его НКВДешники положили более двух миллионов солдат и офицеров, которые покрыли многие километры некогда славной тверской земли тремя слоями. Спрашивается, почему помалкивают, ведь мы, как неоднократно заявлял наш президент, живём в свободной стране. Увы, стало быть, или есть реальная причина, или нынешнюю свободу наш официоз мерит «свободами» 37-го года и чудесным образом дожившей до наших дней северокорейской дурью. А причина чрезвычайно проста и вполне осязаема. О ней ещё в 80-е годы я слышал сразу от нескольких русских авторитетов, приехавших в древний Новгород на Дни славянской письменности: от гениальных писателей Распутина и Астафьева до блистательных деятелей кино Бондарчука и Жжёнова. Их общий взгляд на русские пространства выразило тогда одно ходившее в кулуарах форума стихотворение. Помню, там есть такая категоричная констатация уже свершившейся этнической трагедии:

России нет, ушла навеки,
И мы клянём свою страну,
А в Новгородчине узбеки
Уже корчуют целину.

Словом, уже тогда, на излёте СССР, России как таковой не было. Была какая-то обезличенная столетием страна, которую кляли, видимо, невольно ускоряя её неизбежный конец. И узбекские мелиораторы этому процессу несомненно способствовали, «помогая» живым ягодным болотам Новгородчины поспешно умирать, превращаясь в главную пожарную угрозу всего региона.

Сегодня здесь уже нет ни ягодных болот, ни целины, горизонт плотно заслонён беспородной растительной массой, которая ещё очень долго будет переваривать самую себя, прежде чем сумеет воплотиться в некое подобие континентального ландшафта. Охватывая и как бы одобряя его взором, новый человек осторожно придёт сюда почти в полном одиночестве и, прежде чем рубить лес, ставить избы и выжигать площади под поля и огороды, будет долго раздумывать над планами и всем ходом своего дальнейшего существования. И даже потом, через много-много лет и веков, он будет верен этой своей приобретённой кропотливыми трудами привычке: уметь оставаться наедине с самим собой с тем, чтобы всем вместе потом жилось сытнее и интересней. Эта привычка, к слову, выработалась у всех благополучных народов, без перемен дожив среди них до наших дней. Если кто не верит, пусть спросит об этом у англичан, немцев, норвежцев, а то и у каких-нибудь новозеландцев. Все они сегодня, согласуясь с прежними мудростями, живут гораздо лучше нас, ибо научились не посягать на одиночество друг друга. И эта терпимость даёт им возможность жить и общё, и как кому хочется – одновременно. Мы этот свой шанс опустили ровно сто лет назад, и вот теперь чем дальше – тем больше остаёмся всё в большей изоляции. И не только и даже не столько от других народов, сколько от собственных президентов и администраций, которые уже давно не видят себя на этой прорастающей «дряню» земле. Да, и наши ли они, земляки?

Почему либерализму не победить в России?

«Шло идолице в мокроступах по ходулищу на позорище». Эту интересную фигуру синтаксиса родного языка изобрели западники в пике славянофилам, с которыми на страницах русской периодики «воевали» с конца 18 века. С точки зрения западников, примерно так станут произносить фразу «Шёл красивый юноша в калошах по мостовой в театр» в том случае, разумеется, если славянофилы встанут у руля русской орфоэпии. А вообще, об истории споров западников и славянофилов в нашей критике написаны десятки, если не сотни томов. Иные считают, что споры эти начались во времена Н.М. Карамзина, но в принципе, консерватизм и прогресс, Восток и Запад соперничали едва ли не с дохристианской поры как на полях сражений (Персия – Греция, Хазария – Русь), так и в философии, эстетике и литературе. Выражаясь словами прекрасного знатока истории этого вопроса Р. Киплинга, «Запад есть Запад, Восток есть Восток, и вместе им не сойтись». Здесь речь уже не только о мировоззренческой альтернативе, но о вечном противостоянии двух цивилизаций, каждая из которых несёт в себе как минимум по дюжине философий. И вот одна из самых мощных и молодых философий Запада стала наиглавнейшей проблемой российской политики конца двадцатого – начала двадцать первого века. Разумеется, я имею в виду либерализм, который начал размывать тоталитарную коммунистическую идеологию в восьмидесятые годы прошлого века, окончательно победив в 1991-ом, когда Ельцин, Гайдар и компания пришли во Власть. Однако, менее чем за десять лет российские либералы «успели» показать себя таким образом, что уже к 2000 году либерализм в российском общественном сознании преимущественно стал ассоциироваться с всеобщим развалом, безответственностью и коррупцией. В чём здесь причина?

Сами, так сказать, ведущие российские либералы не раз проговаривались, что де народ им не тот достался. А простой, априори тяготеющий к свободомыслию российский народ наоборот полагает, что не те либералы пришли во власть, что де надо было избирать, прежде всего, скромных и порядочных, а второпях избрали речистых и лукавых. Думаю, что, поверхностно смотря на проблему как первые, так и вторые. Ниже позволю себе предложить своё видение дилеммы: Запад – Восток, западники – славянофилы, либералы – патриоты, демократы – государственники.

Спрашивается, почему оно, противостояние это, столь продолжительно и неразрешимо? Я очень долго изучал этот больной для многих вопрос, ибо и сам активно участвовал в отчаянных, жестоких, а порой и кровавых пикировках конца восьмидесятых – начала девяностых годов. И вот, в конце концов, мне стало абсолютно ясно, что противостояние это ложно, эфемерно, и можно даже сказать, что его в принципе вообще нет, во всяком случае, в нынешнее время. Просто, есть сторонники сильной власти, сильного Центра, а есть сторонники сильной личности, её неограниченных прав и свобод. В качестве наглядного примера можно привести ТВ-ринги и «круглые столы», на которых весьма часто конфликтуют Яровая и Гозман, Володин и Надеждин, Исаев и Станкевич. Если мы возьмём первых номеров этих антитез, то не трудно заметить, что все они – депутаты Госдумы, то есть при власти и, грубо говоря, получают за свою государственническую позицию деньги. И знаете, если честно, я не думаю, что таких государственников можно считать патриотами Отечества, как и губернаторов (в отличие от пожилых россиян, которые помнят войну). Спрашивается, а разве они могут в принципе не считаться с государством, которое доверило им миллионы жителей российских регионов? Можно даже сказать проще и, извиняюсь, весьма грубо: эти господа – государственники поневоле. Что касается либералов, то им вообще не стоит, во всяком случае, в России претендовать на власть, поскольку они объективно не способны управлять российским государством. Именно российским, ибо на Западе за последние, как минимум, 20 лет либерализм вольготно растёкся по странам Европы, Азии и Америки. Но, к примеру, для немцев и японцев закон – это всё. Его нельзя нарушать никогда, даже в силу каких-то веских субъективных причин. Изрядная доля русских смотрит на этот вопрос иначе, считая наши законы не совсем функциональными, и, прежде всего, потому, что их не соблюдают наши руководители, главы, да и

сами законники (депутаты). Так вот, убеждён, что там, где подавляющая часть общества не только законопослушна, но и считает законы страны частью своего мирозерцания, либерализм может стать у власти. У нас же, где законы, в основном, соблюдаются либо по необходимости, либо из боязни, либерализм обречён, в лучшем случае, быть вечной оппозицией коммунизму, консерватизму, едино-россизму и чёрт знает чему ещё. Но у нас, в отличие от тех же немцев с японцами, есть Воля, силовой центр нашего мировоззрения, способный, при определённых условиях, организовать в России демократическую систему общественно-политических отношений. И не надо нигде и ни у кого ничего заимствовать, ибо русская нация, как хлебное зёрнышко, содержит в себе абсолютно всё необходимое для жизни и способна развиваться бесконечно. Ниже мы к этому ещё вернёмся, а что касается ложности условной антитезы «патриоты – либералы», то на российской почве она заключается в том, что хоть и не любят русские люди разного рода ограничений своих прав, либералами они никогда не были: ни в древнем Новгороде, ни во времена Пушкина и Герцена, ни в 17-ом году, ни в последние двадцать лет. И вообще «либере» пришло к нам с масонским учением во времена заигрывающей с французскими просветителями Екатерины и неким свободомыслием, привезённым русскими офицерами в 1813 – 1815 гг. из поверженного Парижа. То есть знаменитая триада «Свобода – равенство – братство» привнесена на русскую почву извне и, по сути, всегда оставалась для нашего человека не руководством к действию по российскому мироустройству, а всего лишь красивой формулой, таким словесным «гусарством» выучившихся в Европе молодых людей:

По имени Владимир Ленский,
Душою прямо геттингентский,
Он из Германии туманной
Привёз учёности плоды,
Ум пылкий и довольно странный,
Всегда восторженную речь
И кудри чёрные до плеч.

Можно вспомнить и грибоедовского Чацкого, который сильно досадовал на то, что умный наш народ, увы, держит русских дворян, за немцев. Весьма показательны и курьёзы отечественной войны 1812 года, когда крестьяне, ушедшие партизанить, нередко нападали на русских офицеров, принимая их за французов. Именно поэтому и провалился с треском приход либералов в девяностые годы прошлого века. В сущности, им не на кого было опираться, поскольку с новгородских времён русские, в отличие от европейцев, а позднее и американцев, не идентифицировали своё внутреннее состояние с понятиями «свобода» и «равенство». У нас всегда были в ходу «Воля» и «справедливость», а «братству» в новой истории более всего соответствует наше «товарищество» (как исключение, братьями могут звать друг друга участники военных конфликтов, находящиеся в постоянной опасности быть убитыми). Но давайте для полной ясности поподробнее остановимся только на «Воле», ибо именно она «повинна» в провалах либерализма.

Итак, как я заметил выше, сладкое слово и понятие «свобода» пришло к нам с Запада. На Руси же со времён Новгородской республики ориентировались на такое понятие, как Воля, которое не имеет ни понятийных, ни терминологических аналогов в Европе. Например, республиканский, вечевой Новгород называли не свободным, а вольным, то есть городом в своём праве. И это очень точно выражало сущность вечевого правления, при котором вольные новгородцы запросто могли выгнать из города очередного князя, если он, по их мнению, не справлялся со своими обязанностями: «Уходи, князь, ты нам не люб!». Сказать же «свободный Новгород», «свободная Новгородская республика» – это, по большому счёту, не сказать ничего, потому что не от кого этому великому средневековому государству было освобождаться. Оно

само хранило и освобождало всю матушку Русь от постоянного давления крестоносцев: шведов, поляков, литовцев и т.п. То есть свобода для русского человека – понятие абстрактное, пригодное разве что для бессмысленного и жестокого метания бомб в царей и государственных деятелей (вроде, Столыпина и Александра Второго) и пустой словесной перепалки (в «Отечественных записках», «Русском инвалиде» и т.д.), а Воля заключает в себе существенный правовой аспект. Недаром, свой выстраданный роман о Стеньке Разине Василий Шукшин назвал «Я пришёл дать вам волю», то есть право, поскольку и Разин, и Пугачёв – ни много- ни мало – претендовали на царский престол. Именно за право быть равными среди равных и поступать так, как велит Господь, они, народные заступники, и шли на плаху. А отнюдь не ради мифической свободы, которая ни к чему не обязывала. Именно эта необязательность и отвращает большинство русских от либерализма. Я бы даже сказал – безответственность. «На благословенном Западе, – писал в аккурат в 1993 году Валентин Распутин, – почти так и делается, оставляя во взрослости вместо чувства (Свободы! – В.С.) кое – какие обязанности». Ею, безответственностью, была буквально пронизана вся деятельность так и не сумевшего повзрослеть ельцинского правительства: от расстрела Белого дома до ваучеризации и грабительской приватизации, от уничтожения высокотехнологичного производства до преступной конверсии, развала «оборонки», распила и распродажи Тихоокеанского флота, уничтожения самой мощной и практически неуязвимой ракеты «Сатана», о которой американцы до сих пор вспоминают с содроганием, и т.п. В связи с этим мы вынуждены сегодня, в ситуации обострившейся международной обстановки, тратить огромные бюджетные средства не на, например, газификацию Центра России (В Костромской области из 25 районов газифицировано лишь 5), а на компенсацию оборонных потерь времён Ельцина и компании.

Да, в России до поры воцарилась гласность (Кстати, её вольнолюб Сергей Довлатов определил, как возможность говорить правду, но за это ни перед кем не отвечать), но свобода так и не стала в нашей стране основой для развития свободной рыночной экономики. Рынок оставался диким, а свободные от всякой ответственности братки тут и там доили малый и средний бизнес, не давая ему хоть сколько-нибудь окрепнуть и подняться. И прикрывали их преступную деятельность тоже своего рода либералы. В нашей Костроме была обворована каждая третья квартира, и безответственные, либеральные милиционеры почти никого не находили (думаю, что и милицию «перекрестили» в полицию именно поэтому). Лично нашёл обокравшего мой дом вора и привёл его в отдел, но господа «менты», столь разрекламированные на питерском ТВ, так ничего и не сделали, ссылаясь то на «колпак» прокуратуры, то на недостаточность улик, то на презумпцию невиновности. Жалкие они в ту пору были. (Позднее на одной из пресс-конференций в присутствии представителей всех СМИ города начальник УВД области сказал пишущему эти строки: «Мы в большом долгу перед вашей семьёй». Через год он, царство ему небесное, умер, а долги остались.). Колёса с автомобилем снимали буквально под окнами и тоже безнаказанно. Вечером и ночью на улицах повсеместно срывали шапки, отнимали дамские сумочки, раздевали и даже разували пьяных, ибо алкоголь стал продаваться повсюду и фактически круглосуточно. Свобода! Апофеозом её стало необъяснимое бегство наших армий из Европы (из тёплых казарм в открытое поле!) под кривлянье на немецкой сцене «раскованного» Ельцина.

И вообще, задумайтесь только, категорией, понятием Воли буквально пронизаны все основные составляющие русского мира. Например, существенную и боеспособную часть царской армии составляли так называемые вольноопределяющиеся, огромный тюремный мир России всегда поддерживали вольнонаёмные – «вольняшки», в армии самой «приятной» командой является команда «Вольно!», в спорте самой удачной для русских борьбой является вольная борьба (борцов в ней называют «вольниками») и так далее. Десятки примеров! Нет, если говорить о философии и литературе, то свобода, конечно, тоже появляется в писательском обороте. Но в связи с чем и когда? В этом смысле показателен «наше всё» Пушкин. Когда он молод,

увлекается европейской литературой и дружит с декабристами-западниками, то пишет, обращаясь к ним: «И свобода вас примет радостно у входа...». Но проходит время, Пушкин, мудрея и совершенствуясь, обращается к сказкам и русской философии, и всё тут же встаёт на свои места: « Ты, волна моя волна, / Ты шумлива и Вольна»; «На свете счастья нет, а есть покой и Воля». То есть Пушкин полагает, что и в природе, и в человеческом обществе жизнеутверждающее равновесие достигается правом поступать так, как велит Создатель. Но построенная в послепетровской тоталитарной России по западным лекалам власть не даёт своим подданным этой возможности. Например, как, а главное – за что в хрестоматийном «Горе от ума» хозяйка московской жизни осуждают Чацкого? Оказывается, «Он вольность хочет проповедать!». И ранняя лирика всё того же Пушкина во всех экзаменационных билетах всегда называлась «вольнoлюбивой», ибо во времена, когда она создавалась, в прогрессивных дворянских кругах процветало вольнодумство, вольномыслие и вольнолюбие. Именно в это время в русском языке появились устойчивые словосочетания типа «Была бы моя воля!», «Я не волен», а крепостным крестьянам дворяне-вольнодумцы всё чаще выдавали вольную, то есть право жить и кормиться самостоятельно. И даже про – западнически настроенные русские радикалы через пятьдесят лет пришли к необходимости создания «Народной Воли», а вышедший из европейского символизма Блок в начале двадцатого века написал замечательный, пожалуй, самый сильный свой поэтический цикл – «Вольные мысли». Да, и «лихие люди», воспетые всё тем же Блоком в «Двенадцати», в принципе, отказавшись от свободы – «Свобода, эх, без Креста! Тра-та-та!» – ввели в свой понятийный оборот самую страшную клятву: «Век воли не видать!». А ведь что ни говори, в уголовном мире всё чрезвычайно точно определено и выстроено. И Воля даже для вора в законе и очевидно, прежде всего, именно для него – сакральное понятие. К слову сказать, и в армейском строю перед тем, как подать команды «Смирно!» и «Вольно!», подают команду «Равняйся!». То есть прежде чем замереть, застыть в образцовом послушании, необходимо выровняться, соотносить себя с другими членами тесного людского сообщества, в данном случае войскового строя. Поскольку войсковой строй – это, в сущности, живая модель строя общественного, команду «Равняйся!» можно расценивать, например, как референдум. В этой ситуации, как и при выполнении команды «Равняйся!», сверяются позиции, системы координат, общие настроения («...сверение, как сверяют часы, своего сердца с её (Родины) страданиями и радостями». – Валентин Распутин). Характерно, что команду «Вольно!» подают лишь после команды «Смирно!». И никакой свободы, а лишь покой и воля – смирно и вольно. Таким образом, как мы видим, экзистенциальные мировоззренческие категории, закономерно переключаясь в армейскую этику (армия – это неотъемлемая часть общества), обрели словесную плоть в армейском уставе. Но если бы наш армейский строй управлялся по либеральным лекалам, то никакой команды «Смирно!» не было бы вовсе. Как говорится, выравнились – и «Вольно!». А, между тем, все основополагающие послылы строй воспринимает, находясь при исполнении команды «Смирно!». Нет её – нет и состояния покоя, без которого, уверяю вас, в конечном итоге и Воли – ни на грош! Есть одна лишь свобода, в том числе и свобода от общества, то есть всё та же пресловутая безответственность. Не оттого ли и НАТО стоит сегодня у наших ворот, что либералы Горбачёв с Шеварднадзе не заключили с главами стран, входящими в состав Атлантического блока, ни одного письменного соглашения, положившись в полном соответствии со смыслом триады «свобода-равенство-братство» на их честное, так сказать, братское слово, что НАТО на Восток – ни-ни! Увы, братья оказались такими же безответственными либералами. И вот сегодня мы крепко завязаны на путаные проблемы Украины и Молдовы, которые усложняют нашу и без того нелёгкую жизнь. Почему? Потому что, получив свободу, они положительно не знают, что с ней делать. Воля же работает на народ, на гражданское общество и правовое государство, а свобода, в конце концов, порождает либеральное мракобесие. Воля – это жизненно необходимая России эволюция, свобода – измордовавшие страну и народ революции. Возьмите любую революцию – хоть английскую с жестоким Кром-

велем, хоть французскую с кровавым Робеспьером, хоть русскую не буду говорить с какими Лениным-Сталиным, хоть российскую либеральную с непредвиденным Ельциным и «лабораторным» Гайдаром: все они очень быстро перерождаются в свою полную противоположность и начинают активно «пожирать своих детей». Кто не верит в «либеральное мракобесие», пусть вспомнит, как либералы, активно проникшие в мир киноискусства, уже в середине 80-х, затравили гениального русского режиссёра Сергея Бондарчука, крупнейшего русского поэта Юрия Кузнецова (даже о смерти его никто не узнал!), практически перестали печатать и пускать в народ писателей-деревенщиков, как застрелили в 91-ом Игоря Талькова, как в громогласно объявленную ими эпоху демократии перекрыли для своих идеологических противников практически все крупные печатные и электронные СМИ. И если Воля собирает людей в артели, товарищества, позитивные людские сообщества, ведущие государство и его граждан к процветанию, как это было всё в том же республиканском Новгороде, то свобода очень скоро приводит к озлоблению и вражде между вчерашними сподвижниками. Доходит до того, что жена либерала Лужкова Батурина начинает судиться из-за некоего имущества со своим родным братом! Какое тут, айм сори, «равенство – братство»? Да и остальные хороши: Ходорковский оказывается на нарах, Гусинский – в Израиле, Березовский – на том свете, Абрамович, раздваиваясь и растраиваясь, – сразу и в Англии, и в центральной Европе, и на Чукотке, а ещё есть и пятые, и двадцать пятые, и все они ведут себя, как пауки в банке. В просуществовавшей более пятисот лет Новгородской вечевой республике, напротив, все её воеводы, бояре, купцы и простые ремесленники ощущали себя как пальцы на одной руке. В отличие от остальных враждовавших друг с другом княжеств, в Новгороде никогда не было «смутных времён», бунтов, заговоров и восстаний. Веками вольным Новгородом и его обширными землями, простиравшимися до Урала (Камня), управляли народное Вече и митрополит. Князья, которых призывали на Новгородский стол, решали в основном военные и дипломатические проблемы. Мало кто знает, но, но в своё время (в середине 13 века) существенно повзрослевший и, можно так сказать, заматеревший князь Александр Невский более всего превозносился вольными новгородцами не за победы на Неве и Чудском озере, а беспрецедентный «ледовый поход» в Скандинавию, когда он, поставив свои дружины на лыжи, дерзко двинул через Копорье и Финский залив на территории Финляндии, Швеции, Норвегии, дойдя по ним до северных морей. Он пополнял свои рати угнетёнными в ту пору финнами, громил варяжские крепости и города. Под стенами новгородской Софии на общее обозрение выставлены красивые, но очень странные железные ворота с католической вязью: их в своё время воинственные викинги вывезли из Германии, а новгородцы отняли их у викингов. Позитивно сказывались на развитии Новгорода и визиты Александра Невского в орду, которая не посягала ни нашу Веру, ни на новгородскую Волю, как католические рыцарские ордена (это запечатлено даже в довоенном фильме «Александр Невский»), от которых Новгород веками оберегал обескровленную татарами и ослабленную усобицами Русь. И напрасно новгородцам ставят в вину неучастие в Куликовской битве. Во-первых, Москва принципиально не звала Новгород под свои знамёна. А во-вторых, и в главных, как неоднократно сетовали газеты Татарстана времён горбачёвской перестройки (когда открылись кингстоны гласности), новгородцы в течение почти двухсот лет, задолго до Куликовской битвы, по всей Волге «разоряли мирные татарские города», истребив степняков куда больше, чем рати Дмитрия Донского на Куликовом поле. Занимались этим профессиональные дружины новгородских ушкуйников, чем-то (Волей!) напоминающие лихие казачьи сотни Юга России. Но всё это темы другого, куда более долгого и скрупулёзного разговора.

Таким образом, либерализм на Руси вещь привнесённая, взращённая на искусственной, чуждой ему почве и удобренная западными учениями и отнюдь не отечественными историческими и общественно-политическими практиками. И Садко, и Буслай, которых один новгородский учёный в разговоре со мной запальчиво назвал «первыми русскими либералами» (очень интересная мысль!), на самом деле всё-таки не либералы, поскольку краугольным камнем их

мировоззрения является не «либере», не свобода, а Воля. Следовательно, они исповедовали не либерализм, а вольнолюбие, вольномыслие и не только исповедовали, но и активно проводили его в жизнь, заражая этим позитивным мироощущением весь новгородский вечевой люд. Кстати, народное вече собиралось не только под стенами Софии, но и во всех так называемых концах великого города (В одном из таких концов, на городском валу, я прожил половину своей жизни. И в юности, словно по традиции, мы собирались там, возле старой кирпичной арки, обсудить наши походы в Мясной бор – собирать останки бойцов погибшей в тех местах второй ударной армии и, чего уж там таить, ржавое оружие, которое потом вымачивали в керосине). Прекрасно понимая и ощущая эту свою особость, новгородцы ни с кем не хотели объединяться, а дружили лишь с вольным Ганзейским союзом (и италийскими республиками), который, к слову сказать, несколько раз в неурожайные годы спасал новгородцев от голода. Не продавался Новгород и Литве, с которой разве что торговал и, выражаясь нынешним языком, обменивался культурными достижениями. Недаром, к началу 16 века многие «литовские люди» поражали московитов своим чистейшим и более правильным, чем у них, русским языком. И не знаю, как бы развивалась Русь в 16 – 17 веках и позже, победы в великом противостоянии не Москва, а Новгород. . . Скорее всего, не было бы ни «смутного времени», ни титанических усилий Петра и вздыбленной им России, не понадобилось бы самому великому русскому императору «побеждать варварством русское варварство», потому что новгородцы были культурнее (о чём свидетельствуют многочисленные берестяные грамоты), а главное – состоятельнее европейцев и относились к последним с некоторым снисхождением. Но главное, не пришлось бы губить в десятках военных конфликтов, войн и мятежей огромные людские массы, закрепощать крестьян, разлагая необузданной, безответственной властью дворян и духовенство. И ведь всё это, и прежде всего, пренебрежение власти к своему народу, так или иначе, дожило до наших дней. И вот сегодня официально (это заявлено во множестве телепрограмм) считается, что патриоты, государственники работают на Россию, а либералы – против. На разного рода рингах и барьерах они осыпают друг друга тяжкими упреками, обвинениями и даже ругательствами, вовлекая в этот завязанный ещё в прошлом веке конфликт всех смотрящих ТВ-программы россиян. На самом же деле, констатирую ещё раз, это ложный конфликт, не имеющий к чаяниям российского народа абсолютно никакого отношения. И не случайно многие россияне сегодня напрочь разуверились в каком-либо конструктивизме нашей внутренней политики (Валентин Распутин назвал их «внутренней эмиграцией») и считают все наши «круглые столы» на ТВ «пустой говорильней», источником пиара для многочисленных президентов и директоров разного рода фондов и институтов, депутатов и представителей исполнительной власти. В сущности всех россиян, русских (их на самом деле гораздо меньше, чем народонаселения РФ) выделяет среди прочих народов Земли переданное им генетически через века чувство Воли. И, по большому счёту, оно присуще и демократам, и патриотам, ибо деление это условно, поскольку связано с жизненным опытом, то есть с рядом повлиявших на внутренний мир случайностей. И никогда больше в обозримом будущем, думаю я, либералы на Руси не придут к власти, потому что они не любят и не умеют создавать и хранить народосберегающие системы, тем более, на территориях, где живём мы, по сути своей вольномыслы и вольнолюбы. Увы, народ либералам достался, действительно, не тот. Но для устранения этого курьёза не спорить надо нашим патриотам и либералам, а совместно изучить историю вечевой Новгородской республики, ввести во все наши учебники истории и философии категорию Воли, и тогда мы согласно вернёмся к действенному парламентаризму. И пусть будет у нас не призванный на стол князь, а выбранный большинством народа президент. Какая, в сущности, разница?

И ещё, для, так сказать, эмоционального, интонационного подкрепления всего выше сказанного, я хочу вспомнить те благословенные дни, в которые я, нет да нет, а возвращался в родной, вскормивший и воспитавший меня город. Как бы там ни было, как бы ни складывалось, я всегда первым делом еду к Юрьеву монастырю, что стоит при выпадании Волхова из озера

Ильмень, на стрелке. В хорошую погоду вода в озере светлее воздуха, а в Волхове – красная. Это, говорят, оттого, что в 16 веке стрельцы и опричники Ивана Грозного перекидали в него с городского моста тысячи новгородских бояр, купцов и ремесленников – совсем как по Сталину: нет человека – нет проблемы. Проблемы Воли. Обыкновенно я сажусь на камни – спиной к угловой башне, а лицом к Ильменю. Я могу здесь сидеть часами, словно бедуин в пустыне. Вдали, почти на самом горизонте колеблются паруса рыбацких челнов и яхт, внизу, на полосе соприкосновения воды и песка, рыбаки достают из причаленных лодок свои снасти и сетки с рыбой, чуть выше на скамье какая-нибудь влюблённая парочка тоже, как я, не может отвести зачарованных взоров от серебристых вод славянского моря. Мне хорошо, мне ничего не надо.

к бы ни складывалось, я всегда первым делом еду к Юрьеву монастырю, что стоит при выпадании Волхова из озера Ильмень, на стрелке. В хорошую погоду вода в озере светлее воздуха, а в Волхове – красная. Это, говорят, оттого, что в 16 веке стрельцы и опричники Ивана Грозного перекидали в него с городского моста тысячи новгородских бояр, купцов и ремесленников – совсем как по Сталину: нет человека – нет проблемы. Проблемы Воли. Обыкновенно я сажусь на камни – спиной к угловой башне, а лицом к Ильменю. Я могу здесь сидеть часами, словно бедуин в пустыне. Вдали, почти на самом горизонте колеблются паруса рыбацких челнов и яхт, внизу, на полосе соприкосновения воды и песка, рыбаки достают из причаленных лодок свои снасти и сетки с рыбой, чуть выше на скамье какая-нибудь влюблённая парочка тоже, как я, не может отвести зачарованных взоров от серебристых вод славянского моря. Мне хорошо, мне ничего не надо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.